

К. Н.
ЛЕОНТЬЕВ

Сочинения

Константин Николаевич Леонтьев

Панславизм

«...наши русские славянофилы, и западные мыслители сходного с ними взгляда могли еще думать, что «подъятие славянского духа», желаемое «сближение славян», освобождение югославян от власти иноверной, – одним словом, что большая против прежнего *гражданская свобода славян немедленно выразится у них в большей независимости ума, в более ясном национальном творчестве на всех поприщах и на новых путях, которые это отсталое, но будто бы «свежее» племя укажет остальному человечеству, уже утомленному долгой исторической борьбой... До сих пор, однако, мы ничего подобного не замечаем ни у сербов, ни у болгар, ни у славян австрийских...»*

**Константин Николаевич
Леонтьев
Панславизм**

Варшава, 29 января

В последней статье нашей, говоря об Австрии и ее отношениях к нашему государству, мы заявляли, что верим искреннему желанию не только мира, но и согласия с обеих сторон⁽¹⁾. Правда, что общественное мнение в Австрии нам не слишком благоприятно; правда также, что там есть сильные партии, мечтающие распространить и утвердить влияние Австро-Венгрии *на весь Балканский полуостров*; несомненно и то, что для Германии очень выгодно «толкать» своего южного соседа все дальше и дальше на восток и, разбив славянство пополам, держать эти две половины в постоянном антагонизме подозрительности и вражды.

Но г-н Гаймерле сказал ведь *весьма кстати*, что «история должна учить государственных людей умеренности». Мы же прибавим: «*Особенно австрийских государственных людей!..*» Приведенные в предыдущей нашей статье слова Сургиен Робера подтверждают наше мнение с простотой и выразительностью, быть может, даже немного грубой.

Это об Австрии... А о России что сказать?..

В публицистике до того все привыкли к из-

вестного рода лживости, к тонким намекам и заученному фразерству, что необходимо говорить ясно для того, чтобы нас поняли просто, и ничего бы лишнего, сверх сказанного нами, не искали.

Мы находим, что Россия должна со своей стороны (до поры до времени, впрочем) обещать Австро-Венгрии, не обращая никакого внимания на раздражительность враждебных нам партий в этом государстве.

Та слегка оборонительная политическая система, которой мы, по-видимому, придерживаемся на Балканском полуострове, по нашему мнению, и есть самая лучшая для нас. «Разве большинство населения Австрии не славянского племени? Не родственного нам? Неужели Россия не выполнит *никогда* своего славянского призвания? Ведь слово *никогда* в политике произносить не надо; по крайней мере, искренно верить в это слово не годится: Руэр воскликнул три раза: «Jamais, jamais, jamais!» – а много ли протекло времени между этим энергическим «jamais!» и выходом французских войск из Рима?^{2} Разве вы отвергаете *органические*, роковые силы в исто-

рии?»

Вот что могут нам возразить. Но мы скажем на это: нет, органических и роковых сил мы не отрицаем; мы, напротив, расположены, быть может, слишком часто о *них* напоминать. Но в числе роковых этих сил есть и сила *личной воли* действующих на политическом поприще людей, есть политическая *вменяемость*. Если отвергнуть это, то как же писать историю? Какая же будет тогда разница между Бисмарком и Эмилем Оливье?

Надо прежде всего *понимать условия времени* и, поняв их хорошо, сказать себе: «*Fait se que doit – advienne se qui pourra!*»^{3}

Вот в чем вопрос. И в этом-то смысле мы находим прекрасным делом бережное, так сказать, обращение наше с *хрупкой* Австро-Венгрией. Это наш долг не усиливать ничем расстройство этой и без нашей вины *другими* столько раз потрясенной державы. Наши собственные интересы должны делать нас в этом случае прямыми и твердыми, чтобы, по крайней мере, с нашей стороны, не было бы ни *вины*, ни *самообольщения*... «Но славяне?» – возразят нам опять... «Но наше вели-

кое призвание!» Мы же скажем на это сперва вот что.

То, что вы зовете нашим *призванием*, мы зовем *опасным бременем* или еще хуже – быть может, печальной неизбежностью, насилием истории, а если хотите, то и *полным падением петровской Руси, неизвестно еще чем заменимой...* Если вы этого желаете, то что же? Спешите на *пути призвания*; а если нет, то старайтесь удерживать *всеславянское движение*, ибо *западное славянство* ни на *Русь Кремля*, ни даже на *Россию Адмиралтейской площади*⁽⁴⁾ нисколько не похоже... *Национальное начало, лишенное особых религиозных оттенков и формы, в современной, чисто племенной наготе своей, есть обман...*

Племенная политика – есть одно из самых *странных самообольщений XIX века.*

Национального, в действительном смысле, в племенном принципе нет ничего. Когда мы говорим: *национальная религия, национальные учреждения, национальное искусство, национальная одежда,* – мы все понимаем друг друга и *самообольщения* при этих словах нет никакого. Всякий знает, что *мусульман-*

ство есть национальная религия для турок, что «право первородства» есть национальное учреждение в Англии, что музыка Россини национальна в Италии, что цветная рубашка на выпуск – национальная одежда у русских... Каждый понимает, что все перечисленное служит для умственного, бытового и отчасти даже для государственного *обособления* племен и народов.

И тот, кто держится за это обособление, и тот, кто желает постепенного «исчезновения границ», одинаковым именем называют одинаковые вещи. Люди, несогласные в стремлениях и вкусах, согласны, по крайней мере, в *представлении*.

Но совсем иное мы видим, когда дело идет о национальной *политике*. Здесь вот у же скоро полвека господствует какое-то странное недоразумение в словах, какая-то удивительная лживость в самой идее!.. Везде люди говорят: «Нация, народность, национальный принцип»; везде стремятся приобрести для этой *своей*, для этой *особой* национальности больше свободы и прав; везде хотят «поднятия национального духа», интригуют, борются

ся, восстают, ведут войны, льют кровь, приносят всякого рода жертвы или за полное *государственное освобождение* наций, или, по крайней мере, за *большой простор* этому *национальному духу*. И что ж выходит? *Прежние* государства, построенные *сознательно*, отчасти на *праве божественном*, отчасти на *праве насилия* (или *завоевания*) и *отчасти только* на *языке и племени*, – эти государства были в *высшей степени национальны* по *независимости мысли*, оригинальны по *роду учреждений и обычаев*, по *силе даже государственного патриотизма* своего. Теперь государства, служа *сознательно и преднамеренно национальному началу*, служат, в *сущности*, *космополитизму*. *Победители и побежденные* служат ему *одинаково*... Пруссия и Франция до *последней войны* по *быту и духу* были *менее сходны, чем теперь*. Освобожденные болгары были *национальнее*, т. е. *своеобразнее* «под турком», чем под *своей бельгийской палатой*.

Итак, служа *принципу чисто племенной национальности*, мы *способствуем*, сами того не *желая и не сознавая*, *космополитизму*. Уравнивая *права и степень свободы* всех на-

ций, мы способствуем слиянию их быта, сначала в верхних слоях общества, а потом и в низших... Национально-политический принцип, проведенный в жизнь где оружием, а где переработкой учреждений, является на деле лишь новым и могучим средством космополитической, т. е. *антинациональной*, демократизации Европы... Все равны, все сходны, все родственны...

Одни успехи и одни неудобства; схожие уставы – одинаковый быт; сходные вкусы – сходное искусство; сходная философия жизни – одни и те же требования, одни и те же качества и пороки, однородные наслаждения и однородные страдания... Везде суд присяжных, везде конституции, везде пар и телеграфы, везде аграрный вопрос и стачки рабочих, везде открытая борьба капитала и труда, везде французская мелодрама, итальянская опера и английский роман...

Не в том здесь дело: находим ли мы полезным или вредным для человечества этот *особый вид* или *прием* процесса всеобщей демократизации, процесса, надевшего на себя в этом случае весьма лукаво и ловко нацио-

нальное одеяние... Дело в том, что нам хотелось только назвать вещь по имени, разобрать эту хитрую загадку...

В <18>50-х годах, даже несколько позднее, и наши русские славянофилы, и западные мыслители сходного с ними взгляда могли еще думать, что «подъятие славянского духа», желаемое «сближение славян», освобождение югославян от власти иноверной, – одним словом, что большая против прежнего *гражданская свобода* славян немедленно выразится у них в *большей независимости ума*, в *более ясном национальном творчестве* на всех поприщах и на *новых путях*, которые это отсталое, но будто бы «свежее» племя укажет остальному человечеству, уже утомленному долгой исторической борьбой... До сих пор, однако, мы ничего подобного не замечаем ни у сербов, ни у болгар, ни у славян австрийских... Итак, «культурное» славянофильство *до сих пор, по крайней мере*, оказывалось мечтой, не то чтобы совсем уже несбыточной, но мало обещающей сбыться. Ибо для того, чтобы признать это «культурное» славянофильство совсем невозможным, или для того, на-

против, чтобы видеть *первые признаки его осуществления*, надо дожить до *полного разрешения Восточного вопроса* и до образования той *всеславянской федерации*, без которой и славянофилы не считали возможным создание единой и своеобразной славянской цивилизации, одинаково отличной и от западных форм просвещения, и от всех азиатских культур.

Но если даже предположить, что «культурное» славянофильство было только мечтой, полной благородства и поэзии, то о простом «политическом панславизме» нельзя сказать того же. Политический панславизм есть сила весьма реальная, и с ней надо считаться всем: австрийцам, туркам, немцам – и нам...

Простой, *какой попало* панславизм, повторяем мы, не есть высокая мечта, подобно культурному славянофильству, он есть близкая и очевидная *возможность*. Но какая же нам выгода, спрашиваем мы, спешить соединением нашей истории с историей этих *западных славян*, в которых истинно *славянско-го так мало, а либерального и конституционного так много!* С югославянами Турции у

нас есть еще иная связь, не племенная только (т. е. ведущая к общелиберальному космополитизму), а вероисповедная, *обособляющая*, есть православная вера. И несмотря на эту особого рода связь, *чуждую*, по крайней мере, если не враждебную западному индивидуализму и его предрассудкам, разве легко нам справиться с болгарами и сербами?.. Справиться с ними нам иногда очень трудно *именно потому, что они не враги, а братья и союзники*. Во многих случаях, уже и теперь, несмотря на подавляющий перевес *собственно русских* сил, мы бываем часто вынуждены и нехотя ступать нашей исполинской стопой по следу, протоптанному маленьким, но цепким копытцем югославян...

И в самом деле, если бы еще были верные данные для веры в то, что *всеславянство* пойдет по пути Хомяковых и Киреевских, то можно было бы утешиться, променяв *московско-невский дуализм* нашего петровского периода⁽⁵⁾ на период *вовсе новый, своеобразный* по идеям и формам, на период *многоцветного* славянства «в великом единстве Православия!..».

Но ни болгарским депутатам, ни сербской интеллигенции, ни тем более чешским ученым бюргерам, всем им не дать нам *этого* величия! Зачем же нам *спешить?*..

Что может выйти из сопряжения младочехов с Каравеловыми, Бильбасовых с *отщепеншимися* своевольно болгарскими епископами, Штроссмайера с Добролюбовыми, Ристичей и Христичей с Поляковыми и Спасовичами?

Перед подобным призраком, в одно и то же время и некрасивым, и опасным, можно, конечно, смиренно склонить выю⁽⁶⁾, если бы он уже стал в самом деле грозить нам *материализацией*...

Но *искать* подобного панславизма?.. Но лить кровь за него? Но тревожить из-за этого соседа, столь полезного уже тем, что он одним фактом существования своего задерживает хоть сколько-нибудь острый ход того общеевропейского недуга, который все зовут демократическим прогрессом, и одним из самых тяжелых припадков которого является в наше время странная *галлюцинация племенного национализма!*..

Не дай Бог, впрочем, ни нам, ни даже и

вам до этого дожить![1]

Примечания

1

Быть может, во всем этом найдутся какие-нибудь *фактические* ошибки; но я уже сказал, что в Москве сам не был, а судил по газетным сообщениям. Если и так, то теперь проверять подробности уже поздно. И потому: еже *писах* – *писах!* – Примечание К. Н. Леонтьева 1885 г.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Речь идет о статье К. Н. Леонтьева «Россия и Австрия» от 25 января 1880 г. в газете «Варшавский дневник».

[^^^]

2

В ноябре 1867 г. гарибальдийцы подошли к Риму и вступили в бой с войсками папы, которым помогла французская армия. В начале декабря французский министр Э. Руэр, взял на себя неосторожное обязательство: «Мы заявляем от имени французского правительства, что Италия не овладеет Римом! Никогда, никогда Франция не потерпит такого насилия над своей честью и над католичеством». Но во время франко-прусской войны Наполеону III пришлось отозвать французские войска из Рима, который в июле 1871 г. вновь стал столицей Италии.

[^^^]

3

Fait ce que doit – advienne ce qui pourra!
(*франц.*) – поступай так, как ты должен поступать, – и будь что будет!

[^^^]

4

Русь Московская и Россия Петровская.

[^^^]

5

Речь идет о двойственном характере русской послепетровской культуры и государственности.

[^^^]

6

Выя – шея.

[^^^]

[^^^]